

УДК 355.01

Пугачева Наталья Петровна

кандидат философских наук, доцент
fil.ist.in@pgau.ru

Здоровинин Владимир Александрович

доктор ветеринарных наук, профессор
fil.ist.in@pgau.ru

Дорофеева Татьяна Геннадьевна

кандидат философских наук, доцент,
Пензенский государственный аграрный университет
fil.ist.in@pgau.ru

Natalya P. Pugacheva

candidate of Philosophy, associate professor
fil.ist.in@pgau.ru

Vladimir A. Zdorovinin

doctor of Veterinary, professor
fil.ist.in@pgau.ru

Tatiana G. Dorofeeva

candidate of Philosophy, associate professor
Penza State Agrarian University
fil.ist.in@pgau.ru

Этико-социальная сущность рациональной доктрины войны

Ethical and social essence of the rational doctrine of war

***Аннотация.** В статье анализируется возможность нравственного оправдания войны с точки зрения концепции «справедливой войны» и рационалистического подхода. Авторы приводят примеры различных подходов к оправданию войны из русской социально-философской мысли (Н.А. Бердяев, Вл.С. Соловьев, И.А. Ильин), которая склоняется к идее, что этико-социальная сущность рациональной доктрины военного типа вынуждена исходить из тезиса о том, что добро должно уметь защищать свои позиции, в том числе и с помощью вооруженной силы посредством ведения войны.*

***Ключевые слова:** война, пацифизм, справедливая война, Н.А. Бердяев, социология войны, этика войны, научная рациональность.*

***Abstracts.** The article analyzes the possibility of moral justification of war from the point of view of the concept of "just war" and a rationalistic approach. The authors give examples of various approaches to the justification of war from Russian socio-philosophical thought (N. Berdyaev, V. Solovyov, I. Ilyin), which inclines to the idea that the ethical and social essence of a rational military-type doctrine is forced to proceed from the thesis that good should be able to defend its positions, including with the help of armed force through warfare.*

Keywords: war, pacifism, just war, N. Berdyaev, sociology of war, ethics of war, scientific rationality.

Пацифизм исходит из кажущегося безусловным в ригористичности своих требований положения: нет таких условий и доводов, которые могли бы оправдать войну. Пацифизм вносит существенную антивоенную ноту в общее звучание этики и социологии войны [1].

С точки зрения этики ненасилия, люди, общество, в целом, не вправе производить какие-либо вооруженные действия против других лиц и формирований, в том числе применяющих военную силу. Если попытаться применить к истории нашей страны сослагательное наклонение, то в результате вопроса, что было бы, если бы Русь, Россия, Советский Союз не применяли бы силу против вторгшихся в пределы страны захватчиков, – мы имели бы нулевой ответ: не было бы и самой Руси, России, как не существует ныне СССР, отказавшегося силой отстаивать свое внутреннее единство, чтобы избежать одного из самых страшных видов войн – гражданской войны [2]. Но Россия живет и не собирается сходить с мировой арены. Более того, она пережила горький, нравственно тягостный опыт одностороннего разоружения и конверсии, когда, начиная с перестройки, демонстрируя миру «человеческое лицо» обновленного социализма, страна ожидала того же от своих партнеров по разрядке... Но произошло неожиданное: первыми, кто лягнул связанного льва, оказались наши недавние и близкие друзья по соцлагерю (избиение советских туристов в Польше).

Наше миролюбие было воспринято как слабость, и предательство сателлитов, хотя и прикрытое антисоветскими, антиимперскими лозунгами, говорило о том, что многие в политике и экономике по-прежнему уважают силу и не обращают внимания на нравственную основу мироустройства в виде Добра и Доброй Воли.

В данной ситуации можно выдвинуть гипотезу, может быть, весьма отдаленно связанную с практическим применением, но, тем не менее, имеющую право на существование хотя бы в виде обоснования путем аналогии. Так, например, мы не можем отказаться от юридических законов, включая всю пенитенциарную систему, так или иначе обеспечивающую их действительную силу, основываясь только на том, что существует-де возможность и действительность нравственного увещания, убеждения преступника путем демонстрации законов и норм морали, этическим путем. Далее, сама конструкция предположительного плана: каждая страна обладает правом (и оно оправдано, в том числе и нравственно) иметь хорошо вооруженную армию, обученные по последнему слову военной методологии и технологии войска, с тем, чтобы иметь возможность в любой момент применить военную силу, в том числе, и в виде ширококомандной войны, если это будет необходимо в целях защиты отечества и самой жизни на земле.

Данная конструкция строится на сугубо рациональном основании, поскольку определять ситуацию, оценивать ее как угрожающую и, следовательно, требующую применения военной силы, должен все тот же

человеческий разум, которому еще Иммануил Кант очертил теоретические и практические границы. На практике же таковым рациональным инструментарием, сопрягающим в себе полюса сугубой рациональности и социального мышления, мог бы стать разум ученого или, выражаясь более абстрактно – научная рациональность.

Однако на современном этапе развития мировой цивилизации данный тип рациональности не мыслит себя в виде единого, единственного и свободного от проблематичности вида мышления. Современные учебники и учебные пособия изобилуют примерами интервенции иррационального в рациональное, а наука, в целом, поддается натиску постмодернистской тенденции, склоняясь к плюралистическому подходу к рациональному, размывая его понятийные границы до степени диффузной неопределенности. И, все-таки, мы полагаем, что наличие современного ядерного оружия требует научно выверенной рационально обоснованной доктрины ведения оборонительной войны.

О наступательной войне как об агрессии одного государства по отношению к другому не может быть и речи. Но и здесь ситуации, которые возникают в реальной политике и международной жизни, часто оказываются вне рамок самой широкой по охвату концепции или теории. Речь может идти, для примера, о положении страны, готовящей нападение, угроза которого удостоверена точными разведданными и подтверждена другими неоспоримыми фактами. Может ли мир позволить себе превентивный удар с тем, чтобы не допустить глобальной термоядерной катастрофы?

По-видимому, решение и ответственность берет на себя именно представительство всего цивилизованного мира, а не одна страна, как это случилось, например, с американскими притязаниями к Югославии и Ираку. Здесь видно единство определенного военного блока, но не единство наций. Да и единство блока было очевидным только на первой стадии, до тех пор, пока страны НАТО не столкнулись с фактом гибели своих солдат на территории страны, где интересы их собственной нации просматриваются, вообще говоря, весьма слабо...

Таким образом, этико-социальная сущность рациональной доктрины военного типа вынуждена исходить из тезиса о том, что добро должно уметь защищать свои позиции, в том числе и с помощью вооруженной силы посредством ведения войны (Вл.С. Соловьев). Общеизвестна позиция, разделяющая войны на справедливые и несправедливые [3]. Но в таком случае, мы должны говорить не о чем ином, как о проблеме социальной философии.

Опираясь на данное определение, мы могли бы в «социологии» войны выделить:

- а) общечеловеческое содержание;
- б) профессиональный аспект;
- в) ситуативные элементы.

В первом плане, война (любая) выступает как зло и то, что оно может иметь моральное оправдание как защита, не отменяет ее главного качества:

смерть в ответ на смерть, причем масштабы этого ответа не поддаются рационализации.

В этой связи, русский мыслитель XX века Н.А. Бердяев научно открыто и честно поставил вопрос о добре самого добра. Его размышления можно представить в виде следующей схемы: если добро возможно только в различии со злом, то, стало быть, его возникновение связано с актом грехопадения первых людей. Но можно ли на этом основании допустить мысль о том, чтобы Творец, обладающий провидением, не был способен предвидеть последствия грехопадения, как результата действия существ, наделенных свободой воли? Возникает логический и теологический парадокс. Выход из него Бердяев, как мыслитель религиозный, видел в том, чтобы отвергнуть теодицею традиционного типа, покоящуюся на положении о том, что зло есть результат свободной воли человека. Он пришел к необходимости признать свободу примордиальной стихией, освобождая, таким образом, Бога от ответственности за наличие в тварном бытии зла. Возводя доброе в самом добре к своему первоисточнику, философ показал онтологическую и нравственную необходимость сферы, лежащей «по ту сторону добра и зла».

Отсюда следует переход к социологии творчества как учения о том, что человек, борясь с социальным злом, не столько уничтожает его, сколько преобразует зло в добро. Бог, согласно Бердяеву, творит бытие из ничто, в котором изначально и укоренена свобода. Поэтому человек способен в творческом акте преодолеть дуализм добра и зла, выйти в сферу «сверхдобра» как Царства Божия, куда ведут и эсхатологические пути из ада и рая.

Русская социально-философская мысль и этика дают различные варианты решения проблемы нравственного оправдания войны [4]. Они простираются от утверждения необходимости войны как защиты позиций социального добра (Вл.С. Соловьев, И.А. Ильин) до непротивления злу силой (Л.Н. Толстой). Практически же подобная казуистика столкнулась с проблемой осознания профессиональным военным или солдатом несправедливости войны, в которой он вынужден принимать участие, поскольку эту войну ведет страна, гражданином которой он является.

Нападение фашистской Германии на нашу страну 22 июня 1941 года означало акт вероломного попрания всех общечеловеческих и личностных социальных и моральных норм и ценностей. Отрицалась ценность жизни советского народа, каждого гражданина СССР под видом его расовой и идеологической «неполноценности». Античеловеческая сущность фашизма выявила себя в тактике «выжженной земли», концлагерей и геноцида. Социально оправданным стал лозунг уничтожения врага, ибо порабощение сулило гибель целому миру, миллионам и миллиардам людей на всей планете. Высота подвига советских людей в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. является той действенной основой исторической памяти о Победе, которая позволит развивать и обустраивать великую и могучую Родину – Россию.

Литература

1. Докучаев А.В. Война как функция культуры (философско-культурологические интерпретации) // Культура. Наука. Творчество: сборник научных статей XI Международной научно-практической конференции. Москва, 2017. С. 169-174.

2. Пугачев О.С. Великие репрессии советской эпохи: война против народа от имени народа // Расстрелянная мысль. Идеи и судьбы инакомыслящей России в годы репрессий XX века: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Пенза: РИО ПГСХА, 2013. С. 130-139.

3. Скворцов А.А. Нравственные проблемы войны // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2001. № 1. С. 74.

4. Скворцов А.А. Этические проблемы войны в русской религиозной философии XX в. // Этическая мысль. 2001. № 2. С. 216-230.

Literature

1. Dokuchaev A.V. War as a function of culture (philosophical and cultural interpretations) // Culture. The science. Creativity: collection of scientific articles of the XI International Scientific and Practical Conference. Moscow, 2017. P. 169-174.

2. Pugachev O.S. Great repressions of the Soviet era: war against the people on behalf of the people // Shot thought. Ideas and Fates of Dissenting Russia in the Years of Repressions of the Twentieth Century: Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Penza, 2013. P. 130-139.

3. Skvortsov A.A. Moral problems of war // Bulletin of Moscow University. Series 7: Philosophy. 2001. No. 1. P. 74.

4. Skvortsov A.A. Ethical problems of war in Russian religious philosophy of the 20th century. // Ethical thought. 2001. No. 2. P. 216-230.